

ЖИЗНЬУБОГА

БОЖКОМ - «Божественная» комедия

Диана Балыко

Действующие лица:

Бог
Зинаида Степановна
Натка – дочь Зинаиды Степановны
Антон – муж Натки
Ирма
Нотариус

Квартира Зинаиды Степановны.

Темнота. Ночь. Кровать. Интимная возня под одеялом.

СТОП-КАДР

БОГ: Зинаида Степановна Корбут тридцать пять лет своей трудовой деятельности отдала простой общеобразовательной школе, в которой обучала мальчишек и девчонок прекрасной высокодуховной науке пения. Она была передовиком общеобразовательного производства. Это оптимистический пролог. А пессимистический состоит в том, что за все в жизни приходится платить и за самую долгую жизнь тоже... Однажды рядом с Зинаидой Степановной случился врач, который объективности ради сказал ее родственникам о том, что кора головного мозга их матушки и тещи по совместительству уже барахлит и больше никогда не будет прежней музыкальной корой...

Ночь. Кровать. Интимная возня под одеялом. Шорохи, шумы, придыхания, вздохи...

АНТОН: Дорогая, возьми меня в лизинг.

НАТКА: Только на условиях двустороннего бартера.

АНТОН: Я согласен на дополнительную эмиссию.

НАТКА: А как насчет прямого инвестирования?

АНТОН: Сегодня открылся интервальный фонд?

НАТКА: Он уже два дня как открыт!

АНТОН: Ну, конечно, я в тебя проинвестирую, дорогая. Составляй план и выноси на утверждение.

НАТКА: Думаю, стоит оформить заявку в «Потенциал»...

АНТОН: ...и три-четыре раза внести средства.

НАТКА: Однако ты Добрыня Никитич!

АНТОН: Я Илья Муромец!

НАТКА: А Дружину на помощь звать не придется?

АНТОН: Ты сомневаешься в надежности наших фондов?

НАТКА: Я уточняю информацию.

АНТОН: Так, сейчас я буду заниматься размещением твоих активов!

НАТКА: Чувствую доходность высокая...

АНТОН: ...мы удачно сформировали ни один портфель и показали самую высокую доходность в регионе.

НАТКА: А доверительное управление?

АНТОН: Плюс регулярность аналитических материалов...

НАТКА: Да-а-а, мастерство не пропьешь...

Входит ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА, поет:
На позицию девушка провожала бойца...

АНТОН: Ну, блин...

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:
Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза...

НАТКА: Мама, что случилось?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Доча, вон там у меня на тумбочке около кровати бутерброд лежал, кто его съел?

АНТОН: Мама, да вы же сами его и съели.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Не ела я. Обьедаете старуху, кусок изо рта вынимаете. И не стыдно вам, хари наетые?

НАТКА: Щас, мам, щас. Иди к себе. Я тебе новый бутерброд принесу. И чаю.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: А в чаю-то отравки подсыпь, подсыпь матери мышьячку. Что я еще заслужила?

НАТКА: Щас, мам, щас. Иди к себе.

АНТОН: Зинаида Степановна, я вас прошу...

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:
Как всегда мы до ночи стояли с тобой
Как всегда было этого мало
Как всегда позвала тебя мама домой
Я метнулся к вокзалу
Опять от меня сбежала последняя электричка
И я по шпалам опять по шпалам
Иду домой по привычке
Натка встает.

АНТОН: У меня доходность падает.

НАТКА надевает халат: Щас вернусь.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Да у тебя всегда доходность на нуле, двоечник.

НАТКА ведет мать в ее комнату: Мама...

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: И ты молчи, дура. Заселились в мой дом, выживают, со свету сживают. Господи, за что?

Натка приносит матери бутерброд.

НАТКА: Поешь, матушка.

Натка принохивается.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА бросает бутерброд на пол: Фу, старый какой-то. Отравить меня хотела?

НАТКА поднимает бутерброд: Я устала. Мне рано вставать.

Натка принохивается.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Всем рано вставать, а на мать ей наплевать. Ну, посиди со мной, старой дурой. Господи, как мне одиноко.

НАТКА садится рядом, обнимает мать: Я посижу, посижу. А ты поспи. Я рядом и тебе спокойней.

Натка принохивается.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Хорошо, ты не уходи только.

НАТКА: Я не уйду, матушка.

АНТОН кричит из спальни: Натка!

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет: Чао, бомбино, сорри...

АНТОН кричит: Наталья Викторовна!

НАТКА: Иду!

Натка встает, принюхивается, осматривает комнату.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Никуда она не идет, ирод окаянный. Она с матерью родненькой поговорит, душегуб.

НАТКА: Тихо, мама.

АНТОН: Натка!

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:

Эта ночь как насмешка над пустым серым днем,

Я чиста, а ты грешник, и не быть нам вдвоем,

В эту ночь не случится ни чудес, ни беды,

Нам осталось проститься у последней черты.

НАТКА шумно втягивает в себя воздух: Мама, чем это у тебя так... пахнет? Опять суп гороховый ела?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:

Слышу голос из прекрасного Далека,

Он зовет меня в чудесные края.

НАТКА: Мама, я с тобой разговариваю, между прочим.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:

Слышу голос - голос спрашивает строго:

А сегодня что для завтра сделал я?

АНТОН: Натка! Ну, ты идешь или нет?

НАТКА: Щас, иду уже.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:

Я клянусь, что стану чище и добрее

И в беде не брошу друга никогда.

Слышу голос - и спешу на зов скорее

По дороге, на которой нет следа.

НАТКА ищет: Мама, чем пахнет?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:

Прекрасное Далеко!

Не будь ко мне жестоко,

Не будь ко мне жестоко,

Жестоко не будь!

НАТКА принюхивается, осматривает комнату, заглядывает во все углы и закутки: Я же чувствую.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Ничем не пахнет.

НАТКА достает из под кровати кулек с протухшей едой: Вот оно!

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Отдай, дура! Это яички мои пасхальные. Их батюшка осветил.

НАТКА: Мать, они всю комнату завоняли.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Не тронь мою частную собственность.

НАТКА: Я их выбрасываю.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Давай, отнимай у матери последнее. Отнимай! Из квартиры меня высели. Ты же только этого хочешь, вот твои таланты, твои способности, для чего я тебя только выучила. Вы ведь, тунеядцы, на свою жилплощадь заработать не можете, вы только мать сгноить горазды. Давайте, убивайте беззащитную старуху. Морите ее голодом. У меня на книжке тысяча лежала, на машину. Где она?

НАТКА: Матушка, нет больше той тысячи, инфляция.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Дура зловредная, все деньги мои профукала.

НАТКА: Тихо, мама, успокойся. Все, здесь больше не пахнет. Теперь форточку откроем, проветрим. И спи.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Заморозить меня хочешь?

НАТКА: Ладно, не будем открывать.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Нет уж, проветри.

НАТКА открывает окно: Хорошо, мама.

Порыв ветра поднимает со стола исписанные листочки. Они кружатся по комнате.

Падают на пол.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА начинает кружиться по комнате, танцевать, поет:

Дайте музыку, скорее музыку,

Скорее музыку, музыку, всё кувырком...

Туфли узкие скинь туфли узкие

Скинь туфли узкие - и босиком!

НАТКА: Мама, тихо, три часа ночи - всех соседей перебудим.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Письма мои, письма. Весточки из дома. Что же ты их, дура, разбросала? Окаянная!

НАТКА: Какие весточки! Ты сама их написала!

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Я писала?

НАТКА: Ты! Без начала и конца. Бессвязные слова.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Что ты такое говоришь, двоечница. Дура-дура-дура-дура-дура!

НАТКА ползает на коленях, собирает: Ладно, мама, я соберу. Читай свои письма.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА перебирает листочки, читает: В книжке телефонной старой-старой где воспоминания живут стёртые странички я листаю все кто мне был дорог тут как тут.

НАТКА забирает у матери письма: Все. Хватит.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Я пойду завтра их отправлю Ване.

НАТКА: Покойнику?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Пусть меня отсюда заберет.

НАТКА: Пусть.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Тебе не жалко, мать?

НАТКА: Я просто устала.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Тебе не жалко, мамочку?

НАТКА: Мне вставать рано.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Тебе не жалко, родненькую мать?

НАТКА: Я пойду спать, мама.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:

А записки с голубками все летят ко мне из детства

Беспокоят мою память, никуда от них не деться

Я своих подружек школьных иногда еще встречаю

Оказалось это больно. Школа, школа, я скучаю...

НАТКА: А тебе меня не жалко, мама?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА повторяет, как заведенная: Жизньубога-жизньубога-жизньубога-жизньубога-жизньубога-жизньубога-жизньубога-жизньубога-жизньубога...

СТОП-КАДР

БОГ: Крыса (*указывает на Зинаиду Степановну*), Собака (*указывает на Натку*) и Свинья (*указывает на Антона*). Нормальное семейство. Адекватное своему восточному гороскопу. Хотя всю эту астрологию, все эти гадания и привороты Я на дух не переношу.

Но против правды не попрешь, тем более, когда механизмы отлажены временем и работают исправно. Грех жаловаться.

Когда Мне на небе становится скучно, Я открываю окно и заглядываю в дома Моих прихожан, Моих творений. Иногда легким щелчком в спину подталкиваю их к пропасти, иногда усаживаю в свою ладонь и ограждаю от беды, но чаще просто наблюдаю, пустив все на самотек. Такая незамысловатая компьютерная игра. Компьютерная игра для Бога. Называется «Вселенная». Купите – не пожалеете. Совсем не скучно, особенно на том уровне, где можно стать Богом.

АНТОН: Натка! Иди сюда!

НАТКА: Щас, щас, дорогой. Мам, ложись спать. Я к Тоше пойду.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Давай, иди, только дочь мою позови и катись на все четыре стороны.

НАТКА: Ну, это же я, Натка, дочь твоя.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Никакая ты мне не дочь! Не родная ты мне, не настоящая. Отвезите меня домой, к моим, к родненьким. Пусть меня заберут отсюда.

НАТКА: Ну, кому ты еще нужна, мама?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Ваня покойник пусть меня к себе заберет.

АНТОН орет: Заберет-заберет, не тревожьтесь.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Нет, ну, вы люди добрые только посмотрите на эту тварь! Родную тещу сгноить хочет! Люся, Люсенька, сестра моя ненаглядная, я к тебе завтра поеду.

НАТКА: Люсенька твоя в бозе давно почила.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Сама ты в бозе.

НАТКА: И я скоро в бозе с тобой буду.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: У Люсеньки сын полковник.

НАТКА: Спился и повесился.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Сама ты спился. Геночка, братик мой родненький.

НАТКА: И Геночка спился. И от астмы умер.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:

Разве мог я подумать мог поверить тогда
В то что с юностью нашей расстаюсь навсегда
Но остался надолго этот вальс из кино
Это было недавно это было давно....

НАТКА: Мама! Я схожу с ума! Ровно четыре часа!

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет: 22 июня, ровно в 4 часа Киев бомбили, нам объявили, что началась война.

НАТКА: Ну, мама! Я прошу...

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Что, мама? Вы мою шубу продали, которую мне Ваня покойник подарил, продали вы мою шубу, пропили, ироды, где моя шуба?

НАТКА открывает шкаф, достает шубу: Вот, смотри, твоя?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Нет, не моя это шуба, моя была другая, новая, а это старая.

АНТОН орет из другой комнаты: Она была новой двадцать лет назад, когда ее вам покойник Ваня дарил. А теперь ее моль съела.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Какая моль? Обьедаете старуху, кусок изо рта вынимаете, не стыдно вам, хари наетые?

НАТКА: Тебя устраивает шуба? Смотри!

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Нет, не эта моя шуба, та была новая, а эта старая. Продали-обокрали. Все продали-обокрали. Жить-то как?

АНТОН: А вы не живите! Не живите, мама!

НАТКА: Щас, иду уже.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Ну, что вы ко мне лезете?

НАТКА: Ну, кто к тебе лезет?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Отстаньте! Не лезьте в душу!

НАТКА закрывает окно: Все, мама, спи!

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Я никому здесь не нужна! Как это ужасно! Ужасно-ужасно-ужасно-ужасно-ужасно...

НАТКА возвращается к Антону.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:

Собака бывает кусачей
Только от жизни собачей
Только от жизни, от жизни собачей
Собака бывает кусачей.

Собака несчастная очень опасна,
Ведь ей не везет в этой жизни ужасно,
Ужасно, как ей не везет.
Поэтому лает она, как собака,
Поэтому злая она, как собака,
И каждому ясно, что эта собака
Всех без разбору грызет.

НАТКА: Я пришла, милый.

АНТОН молчит.

НАТКА: Вся такая те-е-епленькая.

АНТОН молчит.

НАТКА: Малыш, ты спишь?

АНТОН: Спу.

НАТКА: Ты меня совсем не хочешь?

АНТОН: Я тебя совсем не можешь!

НАТКА: А я все возбужду.

АНТОН: Ты лучше мать свою успокой.

НАТКА: То-ошка...

АНТОН: Картошка.

НАТКА: Ну, не будь букой.

АНТОН: Ты что, дура? Ты не понимаешь, что мужик не может размножаться в неволе?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:

Ты меня не ревнуешь, мой милый,

А без ревности нету любви.

Накричи на меня, изнасилуй,

Просто дурой меня назови.

Ревнуй меня, ревнуй, хороший мой,

Ревнуй меня как водится, не бойся...

АНТОН: Я больше так не могу! В горле у меня эти ежедневные уроки пения. Достала!

НАТКА: Ну, давай переждем от матери. Купим квартиру... У нас же есть деньги...

АНТОН: Ты совсем свихнулась! Деньги должны делать деньги, а не просираться, как тебя мать научила.

НАТКА: А, по-моему, надо жить сегодня...

АНТОН: Дура, если инвестировать каждый день по доллару, то через тридцать два года станешь миллионером. Понимаешь?

НАТКА: Я-то понимаю, но через тридцать два года мне уже не захочется этих денег.

АНТОН: Через двадцать семь. Я уже занимаюсь инвестициями пять лет!

НАТКА: И что ты будешь делать со своим капиталом через двадцать семь лет?

АНТОН: Я буду его приумножать!
НАТКА: Для кого? У нас даже детей нет!
АНТОН: Дети! Десять секунд удовольствия, и тридцать лет нищеты.
НАТКА: Ну, что нам делать?
АНТОН: А ты не знаешь?
НАТКА: Не знаю.
АНТОН: А мозгами пораскинь!
НАТКА: Ну что?
АНТОН: Что-что, абы что.
НАТКА: Ну, скажи, ты же хочешь.
АНТОН: Ты не захочешь слушать.
НАТКА: Слушаю.
АНТОН: Меня достало.
НАТКА: Меня тоже.
АНТОН: Ну, так давай покончим с этим раз и навсегда.

СТОП-КАДР

БОГ: Неужели Антон задумал убить родную тещу? И хочет все это сделать руками дочери? Наткиными руками! До чего пораспускались люди... О времена, о нравы!

НАТКА: Нет.
АНТОН: Ну, почему?
НАТКА: Потому.
АНТОН: Нет, ты скажи!
НАТКА: Она – моя мать.
АНТОН: И что?
НАТКА: Возраст берет свое. Подумай, какими мы будем в ее годы?
АНТОН: Ну, уж точно я не буду в таком маразме.
ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:
Мир огромный нашим стал наследством,
Перед нами путь широк и прям...
Рядом с некончающимся детством
Некогда стареть учителям.
Некогда стареть,
Некогда стареть,
Некогда стареть учителям.
Некогда стареть учителям...

НАТКА: Помнишь, она ведь и готовила хорошо... Особенно выпечка ей удавалась.
АНТОН: И что?
НАТКА: Да она тебя и меня в школе пению обучала!
АНТОН: И еще где-то пять тыщ человек за всю свою учительскую карьеру. И что?
НАТКА: А то, что я не отдам свою мать в дом престарелых!
АНТОН: Ну, и нянчись с ней сама!
НАТКА: А я и нянчусь.
АНТОН: У меня тоже скоро поедет здесь крыша.
ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:
Мы учились, мы влюблялись
Мы с тобой делили тайны
Эти десять лет промчались
Прозвенел звонок прощальный

В сентябре откроешь двери
Ты совсем другим ребятам
Школа, школа, я не верю
Что прошло все без возврата...

НАТКА: Ну, она же не всегда такая.

АНТОН: Да?

НАТКА: Это редкий случай, когда она ночью приходит.

АНТОН: А газ на всю квартиру пускает?

НАТКА: Не пускает уже.

АНТОН: Ага, после того, как я все ручки с плиты снял. Очень теперь удобно плоскогубцами конфорки включать.

НАТКА: Ну, издержки это. Производственное.

АНТОН: А за ложный вызов пожарных платить, это как?

НАТКА: Так.

АНТОН: А все щели в доме облазить, чтобы сберкнижку с паспортом найти?

НАТКА: Я спать хочу. Мне вставать рано.

СТОП-КАДР

БОГ: По-моему, в этой семье случился гипертонический криз. Нет, так было далеко не всегда. Первые годы брака Натальи Викторовны и Антона Брониславовича были благословлены Зинаидой Степановной, которая с радостью вышла на пенсию, чтобы выготавливать любимому зятю экзотические блюда, обстирывать ненаглядную доченьку и ждать кровных внуков. Но жизнь, не побоюсь этого признания, в моем скромном лице, все расставила по своим местам, вернее, бросила всех куда попало и когда приспичило. Оказалось, что Антон сам прекрасно готовит курицу на гриле, Натка замечательно стирает, а дети появляются только по большой взаимной любви или от бестолковой односторонней страсти. Ни того, ни другого замечено не было...

А посему сейчас давление всех обитателей квартиры на всех обитателей квартиры просто зашкаливает и превышает допустимые атмосферные нормы. Маразматичка выматывает нервы дочери и зятю, муж поджаривает жену на медленном огне, заставляя сдать тещу в дом престарелых, Натка вертится, как уж на сковородке: и мать, и муж ей одинаково осточертели. Кто победит в этой схватке титанов? – хочу спросить Я Себя.

Звонит будильник.

АНТОН: Семь утра.

НАТКА, выключая будильник: Еще минуточку.

АНТОН: Знаю я эту минуточку. Вставай уже.

НАТКА: Не буди.

АНТОН: Все. Подъем. Поспали мы с тобой, милая.

НАТКА: Я еще часик хочу...

АНТОН: Это ты матери своей скажи.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:

Какой прогноз у нас сегодня, милый,

С чем ты опять проснулся не в ладу.

Скажи мне просто,

Господи помилуй,

Какую блажь имеешь ты в виду?

Главней всего погода в доме,

А всё другое суета...

НАТКА - мужу: Завтрак приготовишь?

АНТОН: Куда ж я денусь с подводной лодки?

НАТКА, поднимаясь с кровати: И кофе крепкий-крепкий!

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА орет из своей комнаты: Доча, я пить хочу.

НАТКА: Сейчас принесу, мама.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Быстрей давай, нерасторопная. Мне лекарство запить надо.

Антон виртуозно готовит на кухне экзотический завтрак. И кофе – крепкий-крепкий.

Антон – мастер кулинарного жанра. Натка несет матери стакан воды.

НАТКА: Несу уже.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Ты что мне в стаканчик подлила? Яду, яду! Отравить меня хочешь?

НАТКА: Ты с ума сошла, мама?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:

Я гениальный сыщик,

Мне помощь не нужна!

Найду я даже прыщик

На теле у слона.

Как лев сражаюсь в драке,

Тружусь я как пчела,

А нюх как у собаки,

А глаз, как у орла.

СТОП-КАДР

БОГ поет и танцует:

Бывал Я в разных странах,

И если захочу,

То поздно или рано,

Я всех разоблачу.

Как мышь крадусь во мраке,

Плыву как камбала,

А нюх как у собаки,

А глаз, как у орла.

АНТОН: Поспали бы вы, мама! Поспите хоть немного, я вас прошу.

НАТКА: Поспи, матушка, поспи, родная.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Ну, что я вам такого сделала? Отстаньте от меня! Слышите? Отстаньте, бесы!

НАТКА: Тихо, тихо, не волнуйся, милая. Валерьяночки выпьешь?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Выпью.

НАТКА: Выпей, матушка.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Давай уже. Уморите старуху, лишь бы не больно.

НАТКА идет завтракать: Ммм, что у нас тут на завтрак?

АНТОН: «Сердце красавицы» - мое фирменное блюдо.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: А мне... А мне... Овсяночки мне с изюмом приготовь, Тошенька. Как я вам в детстве с Наткой по утрам. Помнишь?

АНТОН: Зинаида Степановна, вы хотите на ужин рыбу жареную?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Хочу, Тошенька.

АНТОН: Так сходите днем в магазин и купите свежего карпа.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА возмущенно: Антон, у меня же ноги болят!

АНТОН: Ну, тогда сидите, мама, и не трывдите.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Натка, доча, овсяночки мне с изюмом приготовить, а-а? Как я тебе в детстве по утрам. Помнишь?

НАТКА: Ну, конечно, помню, матушка. Давай в субботу.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Сейчас хочу. Делай, делай, да поживей. Я тебя родила. И ты меня за это в старости должна смотреть. Утку мне подносить, мыть меня, обстирывать.

Заведено так. Вначале родители за детьми ходят, а потом дети за родителями.

АНТОН: Круговорот дерьма в природе.

НАТКА: Молчи, Тоша.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: И мне тошно. Тошно тут с вами, двоечниками.

Натка прихоращивается у зеркала, Антон собирает бумаги в портфель, надевает деловой костюм офисного клерка.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА садится за рояль, наигрывает, поет:

Бывают дни,

Когда с утра

Злишься ты на всё.

И день, как день,

И мир, как мир,

А тебя – трясёт.

Ни к чему разбудил

Опять рассвет,

И солнце зря

В небе встаёт.

Всё не так,

И похоже,

Что вращается земля

Наоборот, наоборот.

НАТКА Антону: А ты почему ничего не поел?

АНТОН: Не лезет в меня сегодня. Пойду я пройдуся квартал перед работой.

НАТКА: Подожди три минуты. На маршрутке поедем вместе.

АНТОН: Настроения нет сегодня.

НАТКА: Поговорить надо. Вчера не успели, ты весь вечер и полночи квартальным отчетом был занят.

АНТОН: После работы давай, ладно? Цейтнот.

НАТКА целует Антона: Ну, пока.

Антон уходит.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Вот какой он муж тебе?

НАТКА: Не начинай, мама!

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:

А пуговики-то нету у левого кармана

И сшиты не по-русски широкие штаны,

А в глубине кармана - патроны для нагана

И карта укреплений советской стороны.

НАТКА: Не начинай, мама!

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: А что, не начинай? Были же у тебя нормальные парни. И Витька – курсант такой высокий. И Павел – архитектор.

НАТКА: Матушка, это было двадцать лет назад!

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Да, хоть сто двадцать! Профукала ты свое счастье. Лучше бы с Лехой первым своим жила.

НАТКА: Все, мамочка, я побежала. До вечера. Обед на столе.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА одна ходит по квартире, прячет и перепрятывает вещи, разбивает документы, шепчет себе под нос: Жизньубога-жизньубога-жизньубога-жизньубога-жизньубога-жизньубога-жизньубога-жизньубога...

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА садится за рояль, играет, поет:

День за днем я бываю сама не своя,

И о том, что живу, забываю.

И привычная держит меня колея,

Как сойти мне с нее я не знаю,

Как сойти мне с нее я не знаю.

Но всему, но всему наступает пора,

Извини меня, если обижу,

Я тебе благодарна за наше вчера,

Только нашего завтра не вижу,

Только нашего завтра не вижу.

СТОП-КАДР

БОГ: Знаете, когда Я был совсем молод и глуп... А сейчас Я стар и глуп (*смеется собственной шутке*). Хотя молодость у Богов – понятие более чем относительное.

Возможно, Я был просто немного моложе, или даже немного старше, чем сейчас, Я спускался с небес, к людям. И стоял одновременно у каждой двери.

Я хотел дать людям свет и немного любви. Знание. Я хотел дать им все, чем обладаю Сам.

Но они не верили. Они не замечали Меня. Открывали по утрам двери, уходя на работу, шагали сквозь Меня, плевали, сквернословили, затаптывали Меня в грязь и шли, шли, шли...

Я могу дать им все - снег (*взмахивает рукой и снег начинает падать*) и солнце (*большое желтое солнце спускается с колосников*). Я дарю им детей и испытания, муки любви и сладость боли. Я только не могу заставить их поверить в Меня!

Я приходил в их дома и обжигался о газовую плиту, и серость их буден. Я плакал дождем... А они все шли и шли, не к вере и не от нее, а просто параллельными дорогами.

Шли, и самые неверующие говорили: «Богов много, а мы одни».

Звонок в дверь.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Кто там? Кого нелегкая?

ИРМА: Социальная служба. Вызывали?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА открывает и заключает в объятия в женщину с большой деловой сумкой: Люсенька!

ИРМА: Зинаида Степановна, я Ирма. Социальный работник. Вы звонили. Вам нужна была помощь. Помните?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Господи, родная ты моя! Как же ты похожа на сестру мою Люсеньку в молодости. Может, ты дочь ее? Кровинушка моя? Хочешь альбом покажу?

ИРМА: Ну, что ж вы, тетушка, меня в дверях держите?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Проходи, родненькая. На кухню пойдём. Посудачим.

ИРМА проходит, прижимая сумку к груди, цепко оглядывает квартиру: А у вас мило, Зинаида Степановна.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Чаю, родненькая?

ИРМА кладет свою сумку на колени: Пожалуй, не откажусь.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА, выходя из кухни: Похозяйничай тут, милая, сама. Вот чайник, вот заварник. Все, как у людей. А я альбом принесу со старыми фотографиями. Покажу тебе Люсеньку.

ИРМА вешает сумку на плечо: Ну, вот и ладненько.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА возвращается с альбомом: А что ж тебя так долго не было?

ИРМА заваривает чай, сумка болтается на плече: Разве долго? По-моему, я в срок.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Ты права. Всему свое время, и время всякой вещи под небесами: время рождаться и время умирать; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться; время любить...

ИРМА, перебивая: Ну, показывайте скорее свой альбом.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Вот, вот она – Люсенька. Разве не похожа?

ИРМА: Да, нет, Зинаида Степановна, по-моему, мы с ней совершенно разные...

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Ну, разные, так разные. А это зятек мой. Антон.

Инвестиционный консультант, мать его. В моей квартире живет, а сам все деньги копит и копит. Жадный – жуть. Говорит, если вкладывать в акции по доллару каждый день, то к пенсии станешь миллионером.

ИРМА, попивая чаек: Врет он все. Слыханное ли дело, ничего не делая, стать миллионером!

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Вот и я так думаю. Дурят старуху, как хотят. Сидят на моей шее.

ИРМА: Ну, не волнуйтесь вы так. Вредно вам волноваться. А с прохвостом этим мы разберемся. Мы этого подпольного миллионщика на чистую воду быстро выведем.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: И дочка моя распустилась совсем. Со свету белого меня сжить хочет. Ей этот Антошка матери родной дороже. Сколько я ночей не спала, когда она маленькая болела? От карьеры певческой отказалась, лишь бы дочка под присмотром была. Ты ведь знаешь, милая, какие у этих артистов дети бестолковые вырастают. И наркоманы, и проститутки. Я своей дочери совсем другого будущего хотела. Всю жизнь в школе проработала, лишь бы за доченькой приглядывать, пока та училась. Самое становление. Тут глаз да глаз нужен.

ИРМА: Понимаю. И в целом вижу свои задачи и цель моего прихода для меня проясняется. Сейчас главное – вернуть в вашу душу фен-шуй.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Боже, как ты красиво говоришь...

ИРМА, теребя сумку, лежащую на коленях: Все дело не в словах, все дело в действиях, правомерных, законодательных. Дело в паролях и явках.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Я на все согласная.

ИРМА открывает сумку, достает ежедневник и папку с бумагами, протягивает Зинаиде Степановне документ: Тогда подпишите договор.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Какой такой договор?

ИРМА: Договор об оказании услуг. Типовой договор на помощь населению. Его и читать совсем не обязательно. В нем все пункты, как обычно, туманные.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Это и лучше, что непонятно. А то еще зятек найдет. Надо спрятать понадежнее...

ИРМА: Юристы напишут всякую чушь. Не разобрать. А главное ведь что? Человеческие отношения. Взаимное доверие. Так ведь?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Боже, как ты красиво говоришь...

ИРМА протягивает документ: Вот, распишитесь вот здесь и вот здесь.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА подписывает: Я еще зятка из квартиры-то выгоню. Будет знать, как в стаканчик мне яды подливать.

ИРМА: Ну, это все на ваше усмотрение. Как заказчик пожелает, так все и будет.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Все хорошо будет?

ИРМА: Все будет, как будет. Нет, но не то чтобы, но в общем-то это, да и совсем не так... Все, конечно, будет не так, как казалось, а что бы не делалось, так оно же всегда к лучшему. Правда ведь?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Боже, как ты красиво говоришь... Знаешь, мне ведь просто хочется любви, чтобы не за квартиру меня, не за услужливость, не за тишину и порядок в доме, а просто, просто потому, что живу. Тварь я дрожащая или право имею?

ИРМА ласково слушает, кивает: Вы не бойтесь никого, золотце, я все, как надо, сделаю, все сделаю, на золоте будете кушать, на золоте, моя хорошая. И приборами серебряными.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Как я сама себе умиляюсь! Во мне погибла великая актриса!

ИРМА: Ну, почему же погибла? Еще очень даже жива!

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА вскакивает, тянет Ирму танцевать, поет:

Сегодня праздник у девчат:

Сегодня будут танцы!

И щёки девушек горят,

С утра горят румянцем.

Пришли девчонки,

Стоят в сторонке,

Платочки в руках теребят.

Потому что на десять девчонок

По статистике девять ребят.

ИРМА: Великолепно. Но давайте займемся делом.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Согласна. И деньги все перепрятать надо. И документы тебе на сохранность кое-какие отдам.

ИРМА: Да-да, это правильное решение. Мы их сейчас в надежное место положим. Никто, кроме нас, знать не будет. В депозитную ячейку в банк. Хотите?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА несет сбережения в носке и документы: Нет, уж лучше пусть у тебя полежат, Ирмочка.

ИРМА пересчитывает деньги, просматривает документы, прячет все в сумку: Так, моя милая. В носочке денежки хранить небезопасно. А кольца, сережки, браслетики? Все нужно в надежное место.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Все нужно в надежное место.

Женщины идут в гостиную. Ирма начинает шарить по квартире вместе с Зинаидой Степановной. Женщины находят ценные вещи, Зинаида Степановна все отдает Ирме.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Тебе, моя милая. Бери-бери. Вот так хорошо. Вот так надежно. Главное, чтобы никто не нашел, чтобы надежно было, чтобы верно. Так ведь, мое золотце?

ИРМА выкладывает ценности и деньги на стол, пересчитывает, что-то помечает в своем ежедневнике: Все под опись, все под строгий учет, чтобы ни одна вещичка не пропала.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА садится за рояль, музицирует, поет:

Прекрасна собака, сидящая в будке,

У ней расцветают в душе незабудки,

В желудке играет кларнет.

Но шутки с бродячей собакой бездомной

Опасны, особенно полночью темной,

Вот самый собачий, вот самый огромный,

Огромный собачий секрет.

Ирма все складывает в свою сумку.

ИРМА спешит, она переворачивает в квартире все вверх дном: Пора мне, золотце, пора.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА смеется: Какой беспорядок, какой беспорядок...

ИРМА: Можно я еще шкатулочку мельхиоровую прихвачу?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Бери, Ирмочка, сколько душа пожелает.

ИРМА, пряча в сумку: Я все под опись. Вы не подумайте ничего. У нас серьезная организация. А рюмки серебряные?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Дореволюционные еще.

ИРМА: С гравировочкой. Тоже, видимо, ценная вещь...

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Ну, и рюмки бери.

ИРМА, пряча в сумку: Ой, спасибо. Мне пора, побежала я. Столько еще пенсионеров надо навестить сегодня!

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:

Наша служба и опасна, и трудна.

И на первый взгляд, как будто не видна...

ИРМА: Спасибо за все. Вы меня чудесно приняли. Теперь связь будем держать по мобильному телефону. Звоните – если что.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Принепременно, дорогуша. Ориведерчи!

За Ирмой закрывается дверь.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:

Мы бандито, гангстерито,

Мы кастето, пистолето,

oh yes !

Мы стрелянто,

Убиванто, украданто то и это.

Банко, тресто, президенто,

Ограблянто ун моменто.

И за енто,

Режисенто нас сниманто киноленто.

Зинаида Степановна носится по квартире, разбрасывает вещи, усугубляя бедлам и беспорядок.

СТОП-КАДР

БОГ: Глупую старуху обокрала работница социальной службы. Сплошная чернуха. И это творится на моей планете? Распоясались совсем! Но с другой стороны – такая скука. Так предсказуемо. И теперь старуху застрелит зять. Ведь какого-то черта покойный тесть оставил здесь свое ружье. Должно же оно выстрелить, ей-Богу! Законы драматургии. Чеховские мотивы. Помните?

Скучно. Скучно. Невыносимо скучно быть Богом. Скучно и одиноко. На целую вечность никого вокруг. И тишина, то зловещая и пустая, то полная гармонии и смысла, а поделиться не с кем. Столько познал, столько обрел - не кому рассказать. Бо-о-о-ольно... *(прикасается к груди)* Вот тут больно. И тут *(дотрагивается до живота)*. А тут *(прикасается к горлу)* подступает любовь. Кажется, выдохнешь ее, и расплавится мир, истлеет. А Я берегу людей. Так, немного... Все-таки Бог - не ангел. Но берегу. И поэтому в горле круглый огненный шарик. Жжет. Жже-е-ет... Вкуса хочу. Вкуса!

В замке проворачивается ключ.

НАТКА возвращается с работы: Мама, что за бедлам в квартире?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Ко мне приходила племянница. У нас были танцы.

НАТКА: Какая племянница?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Какая-какая, бестолочь ты! Ирма! Дочь Люсина!
Незаконнорожденная.
НАТКА придиричиво осматривает квартиру: Мама, что ты несешь?
ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Сама ты несешь!
НАТКА шепотом: Мама, где мои сережки? С белым золотом? Тут лежали. На трюмо.
Рядом с помадой. Сегодня надеть на работу забыла.
ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Тихо, доча. Все в надежном месте. Ирма все сохранит.
НАТКА: От кого?
ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: От мужа твоего, прохвоста.
НАТКА: Мама... Кто такая Ирма?
ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА начинает фантазировать: Ирма – Люсина дочь. Люси – сестры
моей покойной. Незаконнорожденная дочь. В детском доме воспитывалась до
шестнадцати лет. А потом сбежала. В табор. Цыганский.
НАТКА: Господи, тут была цыганка...
ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: А цыганка что – не человек?
НАТКА: Ох, матушка...
ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:
Кошки не похожи на людей,
Кошки - это кошки,
Люди носят шляпы и пальто,
Кошки часто ходят без одежды.
НАТКА обследует квартиру, роется в бумагах: А где завещание? Мама, где завещание на
квартиру?
ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:
Кошки не болтают чепухи,
Не играют в домино и шашки
Не обязаны писать стихи...
НАТКА: Мама, я спрашиваю, где завещание на ЭТУ квартиру?
ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:
Им плевать на разные бумажки,
Людам не сойти с протоптанной дорожки,
Ну а кошки, мяу, - это кошки...

Ключ поворачивается в замке. В квартиру входит Антон.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Чертов бес вернулся.
НАТКА: Молчи, мама...
ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: А что ты мне рот затыкаешь? Я в своем доме!
АНТОН: Что за бардак?
НАТКА: Тоша, я просто не знаю, как тебе сказать.
АНТОН: Ну?
НАТКА: Я боюсь.
ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Да кого тут бояться?
АНТОН: Ну-ну, матушка.
НАТКА: Тут у нас цыганка была...
АНТОН: В смысле?
НАТКА: Ну, видимо, мама ей дверь открыла.
ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Не цыганка она, а племянница моя. Ирма – Люсина дочь.
Люси – сестры моей покойной. Незаконнорожденная дочь.
НАТКА: Мама, хватит!
ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: А ты мне рот не затыкай!
АНТОН: И?

НАТКА: Я пока еще не знаю, сколько...

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Что сколько?

НАТКА: Сколько твоя племянница добра отсюда утащила.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Ничего она не тащила. Я сама ей все отдала. На сохранение.

АНТОН начинает осматривать квартиру: Та-а-ак, тещенька... Та-а-ак.

НАТКА тоже обыскивает комнаты: А деньги наши где? Из коробки?

АНТОН: Пропали, видимо!

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Я ваше не трогала. Я только свое Ирме отдала.

НАТКА шепотом: Как же... Украшения, рюмки, шкатулка... И завещание на квартиру...

АНТОН хватает охотничье ружье, целится в тещу: Ну, что курва старая, натешилась?!

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Ты в кого, ирод, тычешь? На место положи. Не твое ружье и не трожь! Мужа оно моего покойного...

АНТОН: А у меня рука на курке.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Триггер! Триггер – это называется, дурак неотесанный.

НАТКА закрывает мать своим телом: Антон, прекрати! Она же не виновата.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Ну, стреляй в комсомольскую грудь! Или кишка тонка?

АНТОН: А кто виноват?

НАТКА: Я виновата. Я.

АНТОН: И тебя убью, дуру несговорчивую. Уже давно могли бы навещать мамашу в доме престарелых.

НАТКА подходит к Антону, отводит рукой ствол от лица матери: Ну, перестань, Тоша. Ничего уже не изменишь.

АНТОН: Ничего? Я горбатился на эту дуру десять лет! Десять лет! Ты понимаешь, что это такое?

НАТКА: Понимаю...

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Не ори на мою дочь, приживалка. Ты здесь даже не прописан! Какое право ты имеешь?

НАТКА: Замолчи, мама. Лучше скажи, где завещание?

АНТОН: Не ной, у нотариуса всегда есть копия, или ты в школе не училась, бестолочь?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Двоечница. Все теперь Ирма хранит.

НАТКА: Что мы теперь делать будем, Тоша? Нужно, наверное, вызвать милицию...

АНТОН: Делать? Ты все уже сделала, что могла. Ты разорила нас, дура!

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:
Вот так она хранится, Советская граница.
И никакая сволочь границу не пройдет!
А пуговка хранится в Алешкиной коллекции,
За маленькую пуговку ему большой почет!

НАТКА: Тошенька... Я для тебя все...

АНТОН: Милиция с нас только посмеется. Они все равно ничего не найдут. Это бесполезно.

НАТКА: Думаешь?

АНТОН: А ты хочешь выставить нас всех на посмешище? Ты хочешь, чтобы твою старуху таскали по допросам?

НАТКА: Нет. Конечно, не хочу.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Какую милицию? Ирма вернется. Она принесет нам завещание...

НАТКА: Мама...

АНТОН: Выбирай: она или я! Дом престарелых или я ухажу?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:
Сколько раз говорила себе: «Ухажу,
Не могу, не хочу, надоело».
Вот скажу тебе все, вот решусь и скажу,

И не смела, не смела, не смела,

И не смела, не смела, не смела.

НАТКА: Я не могу.

АНТОН: Хорошо. Значит, она победила.

Антон открывает чемодан и начинает демонстративно укладывать в него свои вещи.

НАТКА: Тоша...

АНТОН: Я ухожу. Все. Я живой. У меня больше нет сил.

НАТКА: Тоша...

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Иди-иди... Скатертью дорога.

АНТОН: Я хочу прибить эту старуху. Я хочу вас обеих прибить.

НАТКА: Ну, что ты такое говоришь? Это же грешно. Тебе же завтра стыдно будет.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Ему не будет.

АНТОН: Мне не будет!

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:

Слышишь тревожные дуют ветра

Нам расставаться настала пора

Кружится кружится пестрый листок

Кружится кружится старый вальсок

Старый забытый старый забытый вальсок

НАТКА: Ну, все же просто, милый – от плиты отгонять, цыганок шугать...

АНТОН: Вот и шугай. Я сыт по горло!

Натка закрывает лицо руками.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Доча, не плачь. Не плачь, моя милая. Я того не стою. Ни одной твоей слезинки. Ни капельки. Отвези меня в лес – это не грех. Привяжи меня к дереву, оставь. Пусть меня сожрут волки. Я виновата. Я одна во всем виновата.

НАТКА: Ну, что ты такое говоришь, мама...

АНТОН: Я ухожу.

НАТКА не пускает его, преграждая путь: Нет! Не пущу.

АНТОН: Тогда...

НАТКА: Ну, давай не сегодня. Не сейчас. Не при маме.

АНТОН: Нет, именно сейчас. Другого раза не будет. Пусти!

НАТКА шепотом: Я согласна...

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Я тоже согласна. Не тирань ребенка моего, ирод. Отдайте старуху в чужие люди. Я же вам обуза...

Антон молчит. Натка молчит.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:

Как провожают пароходы совсем не так как поезда

Морские медленные воды

Не то что рельсы в два ряда

Как ни суди волнений больше

Ведь ты уже не на земле

Как ни ряди разлука дольше

Когда плывешь на корабле...

СТОП-КАДР

БОГ: Прошел месяц. Зинаиду Степановну сбагрили в дом престарелых. Первых пару дней Натка печально говорила: «Какая странная тишина в доме». Антон резонно спрашивал: «Ты думаешь, мы не заслужили покоя?»

Натка молча вздыхала. Заглушая непреодолимое чувство вины перед матерью, Наткина психика раскладывала прилюбопытнейшие пасьянсы. Мать часто приходила в Наткины сны. В них она была эффектной эстрадной певицей в розовом шифоновом платье, с

зелеными волосами... Зинаида Степановна пела о том, как прекрасно жить в доме престарелых.

Появляется Зинаида Степановна с микрофоном.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:

Недавно гостила
В Чудесной стране,
Там плещутся рифы
В янтарной волне,
В тенистых садах там
Застыли века,
И цвета фламинго
Плывут облака.

В горах изумрудных
Сверкает река,
Как сказка, прекрасна,
Как сон, глубока.
И хочется ей
До блестящей луны
Достать золотистою пеной волны.
Меня ты поймёшь,
Лучше страны не найдёшь.
Меня ты поймёшь,
Лучше страны не найдёшь.

Слышен шквал аплодисментов. Зинаида Степановна кланяется, уходит.

БОГ: Сдать надоедливую старуху в дом престарелых – решение радикальное, но не панацея. Разве можно спасти то, чего нет? Однажды Натка вернулась с работы в тот самый момент, когда Антон собирал вещи в чемодан...

НАТКА: Тоша, что случилось?

АНТОН: Ничего.

НАТКА: Ты в командировку?

АНТОН: Нет.

НАТКА: Мы в отпуск?

АНТОН: Дура...

НАТКА: Тоша...

АНТОН: Да.

НАТКА: Что?

АНТОН: Я ухожу.

НАТКА: Куда?

АНТОН: Какая разница. Я ухожу от тебя.

НАТКА: Но почему?

АНТОН: Потому что ты мне надоела, осточертела, опротивела...

НАТКА: Тоша...

АНТОН: Не называй меня этим дурацким именем!

НАТКА: Тошенька...

АНТОН: Меня щас стошнит. Перестань называть меня этой кошачьей кличкой. Не мешай собираться.

Натка молча садится на диван.

АНТОН: Не молчи на меня!

Натка молчит.

АНТОН: Не молчи на меня! Выскажись! Объяви, что ты по этому поводу думаешь!

Натка молчит.

АНТОН: А мне плевать, что ты отдала свою мать в дом престарелых. А вы мне обе надоели. Вы обе за десять лет выпили всю мою кровь. Почему ты молчишь?

Натка молчит.

АНТОН: Ну, прости меня, моя хорошая. Я не хотел тебе все это говорить. Просто я ухожу. Я полюбил другую женщину. У меня случилась любовь. Понимаешь? Так случилось. Извини. Вот. Я тебе такое хорошее письмо написал, и сам все испортил. Это потому, что ты раньше пришла. Раньше вернулась домой, чем я рассчитывал.

НАТКА: Антон, я так люблю тебя... когда ты великодушный.

АНТОН: Нет, этого не надо, я все равно ухожу...

Антон хлопает дверью.

СТОП-КАДР

БОГ: Ну, конечно, Натка не устроила истерику. Она же Собака, а не Коза, не Обезьяна и не Лошадь по восточному гороскопу. Хотя Меня, если честно, прошибала слеза, когда Антон уходил. Ведь он оставил Натку совершенно одну. А я хорошо знаю, что это такое. Хотя людям, конечно, всегда проще. Они взывают ко Мне, просят милости, любви и богатства. Даже если при этом они совершенно не верят в Меня. Но всегда остается шанс, что может быть, наверняка, ну-уу, или чуть-чуть правдоподобно Мое существование и присутствие. И какое счастье и утешение находят люди в этой надежде!

А у меня нет Бога! Представьте хоть на минуту, каково это! Каково жить без Бога? Когда некому помолиться, не у кого спросить совета, некому исповедаться в грехах и тайных помыслах. А в это время люди ко мне взывают: «Господи, спаси от одиночества!»

Как же Я могу спасти людей оттого, что является Моей собственной сутью. Я же сам бесконечно одинок. А люди по образу Моему и подобию созданы. Кто же Меня спасет от одиночества? Мне кому молиться? Кому?

...Вволю наплакавшись ночью, утром следующего дня Натка помчалась в дом престарелых и привезла мать в родные Пенаты. Зинаида Степановна выглядела похудевшей и постаревшей, взгляд ее стал печальным и гораздо более осмысленным.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:

Вода качается и плещет и разделяет нас вода

Но видно вдруг ясней чем прежде

Что мы близки как никогда

Вода вода кругом вода вода вода шумит вода

НАТКА: Мама, что тебе приготовить?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Не утруждай себя.

НАТКА: Я хочу, чтобы тебе было вкусно.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Я не голодна.

НАТКА: Нужно есть, мама.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Зачем?

НАТКА: Чтобы жить.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Зачем? Я тебе только обуза. Отвези меня назад.

НАТКА: Не говори глупости. Ты мне очень нужна. Ты всегда мне была нужна.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Он ушел от тебя, да?

НАТКА: Ну, что ты! Антон просто в командировке.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА распахивает шкаф: Где его рубашки, где обувь?

НАТКА: Антон уехал в длительную командировку.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Я, конечно, старая дура. Но я еще немножко чую. Женским обонянием. В этой квартире пахнет одиночеством и слезами.

НАТКА: Чушь! У нас с Антоном все хорошо.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:

Ты полюбил другую женщину,
Такие горькие дела,
Что в нашей жизни будет трещина
Я совершенно не ждала.
А мне не верится, не плачется,
Я даже злиться не могу.
За что ж относится захватчица
Ко мне как будто бы к врагу.

А я тебя люблю и по ночам не сплю,
На карточку смотрю, с тобою говорю.

У Натки мелко дрожат плечи.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА подходит к дочери, обнимает: Это я во всем виновата. Я была эгоисткой. Я не давала тебе жить с любимым мужчиной. Это я все разрушила.

НАТКА: Мама, не начинай. Что тебе приготовить?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Испеки шарлотку. Помнишь, Антон очень любил шарлотку?

НАТКА: Хорошо. У нас как раз есть кислые яблоки.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Очень подойдут. И корицы. Добавь немного корицы, чтобы сделать пирог особенным. Ты помнишь рецепт?

НАТКА: 4 яйца, стакан сахара и стакан муки.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Нет, рецепт начинки. Дольки яблок обязательно нужно подтушить с сахаром в сливочном масле и посыпать корицей. Потом вылить на них тесто и снова насыпать корицу.

НАТКА: Я помню.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: И капнуть две слезинки, чтобы шарлотка получилась с грустинкой. А потом заварить мятный чай.

НАТКА: Мама, мы так давно не разговаривали с тобой, как люди.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Мы так давно с тобой не разговаривали.

НАТКА: Ты понимаешь, что Ирма никакая не дочь твоей покойной сестры?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Понимаю. Ты хочешь, чтобы мы пошли в милицию? Я помню, как она выглядит...

НАТКА: Нет, я не хочу. Это бессмысленно. А тебя только замучат расспросами.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Я виновата. Прости меня, доча. Отвези меня в лес – это не грех. Привяжи меня к дереву, оставь. Пусть меня сожрут волки. Я виновата. Я одна во всем виновата.

НАТКА: Так, хватит. Пора выпить лекарство и спать.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:

Мы с тобой ни едем ни в какие гости
После не будет просто больше ничего
Я тебя не приручаю,
Я тебя, лишь обучаю,
Терпению, ласке и пониманию...

НАТКА: Мама, давай спать.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Ты хочешь его вернуть?

НАТКА: Кого?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Антона.

НАТКА: Он в командировке. Он приедет скоро.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Конечно, приедет. Но для этого надо кое-что сделать. Ты только не кричи на меня. Ты послушай. Вот. Вот это в газете. Объявление. Потомственная гадалка в третьем поколении снимет сглаз и наведет порчу, приворожит, отворожит, вернет и присушит любимого. Позвони, доча.

НАТКА: Мама, я еще пока не выжила из ума.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Позвони. Ну, что тебе стоит?

НАТКА: Да мне и заплатить ей нечем.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: А ты позвони. Я денег дам.

НАТКА: У тебя откуда?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Ну, на черный день я немного припрятала. И украшения твои под плинтусом, и денег немного есть. Плинтус – это самое надежное место.

НАТКА: Ой, мама!

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА достает деньги и украшения: Ну, не все, конечно, уж прости. Но кое-что старуха сберегла.

НАТКА: Ой, матушка!

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Ладно, звони давай.

НАТКА: Ну, что я ей скажу?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Так, мол, и так, мужа хочу вернуть! Присушите его ко мне обратно.

НАТКА: Нет, я так не могу. Я хочу научиться жить без ожиданий.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: А ты ничего не жди! Ты просто бери то, что заслуживаешь.

НАТКА: Я боюсь.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА подносит рюмку: А для смелости я тебе рюмочку налью. Звони, давай. За счастье свое бороться надо.

НАТКА выпивает залпом: Где там твой телефон?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Вот. Набирай номер.

НАТКА набирает номер: Здравствуйте, я по объявлению. Вы можете вернуть мужа?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет, заглушая Наткин разговор:

Не плачь девчонка пройдут дожди

Солдат вернется ты только жди

Пуускай далеко твой верный друг

любовь на свете сильнее разлук...

СТОП-КАДР

БОГ: Однажды Я увидел моего Господа во сне и спросил: «Как мне найти Тебя?». Он ответил: «Покинь Себя и приходи!» И в тот миг Я познал истину. Она в том, что у каждого Бога есть свой Бог. А вы не знали? Неужели вы думали, что Вселенная так проста, что есть только люди и Бог? Один Бог? И больше нет ничего на свете? Нет, Вселенная бесконечна. И каждому существу нужен свой Бог. И Богу тоже нужен Бог.

Квартира Ирмы. Раннее утро.

АНТОН несет поднос с двумя чашками кофе, присаживается на краешек постели: С добрым утром, любимая!

ИРМА открывает глаза.

АНТОН: Как спалось моей кошечке?

ИРМА: Запах кофе с кардамоном – мой любимый по утрам. Ты - прелесть, Антуан.

АНТОН: Я у твоих ног, богиня.

ИРМА: У меня болит голова.

АНТОН: Что случилось?

ИРМА: Приснился ужасный сон.

АНТОН: Кошмар?

ИРМА: Что-то вроде того. Опять эта ужасная маразматическая старуха бегала за мной и грозила своей клюкой. Она кричала, а потом клюка превращалась в охотничье ружье, а я в зайца. Она стреляла, а я металась и понимала, что все это бесполезно, что от судьбы не уйдешь.

АНТОН целует Ирму: Девочка моя, только хороший секс с утра сможет поднять тебе настроение.

ИРМА смотрит на часы: В другой раз.

АНТОН: Ну, сегодня же воскресенье.

ИРМА: Это ничего не меняет. Я работаю без выходных.

АНТОН: Ты моя труженица, ты моя пчелка.

ИРМА: Сейчас тебе, Антуан, придется уйти на рынок за продуктами. Тут одна дамочка через час придет на приворот мужа.

АНТОН: Вернешь?

ИРМА: А то! Я же потомственная гадалка в третьем поколении!

АНТОН: Сколько берешь?

ИРМА: За сеанс – сто долларов.

АНТОН: Ух, ты... Дорого.

ИРМА: Не пустяк, конечно. Но ведь муж все-таки не колготки...

АНТОН: И то верно. А сколько сеансов на возврат требуется?

ИРМА: Могу и за раз справиться. А на иной случай и полгода уходит. Все зависит от платежеспособности клиента.

АНТОН: Ты моя цыпочка!

ИРМА садится на кровати, наводит марафет, надевает черный парик, красит глаза черными тенями: Антуан, не называй меня этими дурацкими прозвищами!

АНТОН: Ирма, ты сегодня не в настроении.

ИРМА: Заметил, дружок? Погано у меня на душе. Некрасиво все это как-то. Ну, зачем так было уходить?

АНТОН: Как?

ИРМА: А вот так не по-людски? Подставлять меня зачем? Какого черта мне теперь снится эта старуха?

АНТОН: Это всего лишь дурной сон.

ИРМА: Это совесть. Меня гложет совесть.

АНТОН: Не смейся. Сколько лет ты гадаешь разным дурам? Скольким идиоткам ты повесила лапшу за эти годы?

ИРМА: Я обманываю только тех, кто этого заслуживает. Они приходят ко мне сами. И я просто даю им веру в чудо. Людям нужна вера. Но до тебя я никогда не воровала деньги и украшения у маразматических старух. Разве нельзя было расстаться с женой нормально, чтобы не запирать ее мать в дом престарелых?

АНТОН: Знаешь, сколько она у меня крови выпила?

ИРМА: Кто?

АНТОН: Обе!

ИРМА: Так нельзя.

АНТОН: Но ты же согласилась. У самой, небось, нервишки щекотали дельце такое обтяпать. Это ты уже сейчас на попятную пошла.

ИРМА: Дура влюбленная. Поддалась на твои уговоры.

АНТОН: Ну, да, чтобы потомственная гадалка в третьем поколении и поддалась. Не верю!

ИРМА: Я с тобой, Антуан, не гадалка. Я с тобой просто влюбленная женщина.

АНТОН: Ладно, милая. Не грузись по пустякам. Мама с дочкой уже, наверняка, друг друга простили. А разводиться через суд и имущество делить я не мог. Какая мерзость! Когда мои родители разводились, отец все вещи из дома втихоря вывез, а матьшла, куда, приехала и все электропилой «Дружба» распилила. Все 184 тома всемирной

библиотеки. И телевизор «Садко». И холодильник. И трюмо ручной работы. Все. Я так не могу! Мы с тобой спокойно взяли все, что старуха нам сама отдала.

ИРМА: Ладно, Антуан, иди за продуктами. И принеси мне манго, пожалуйста. Хочу манго на обед. От яблок меня уже тошнит!

АНТОН: Слушаюсь, моя королева.

Антон уходит. Ирма наводит в своей квартире фен-шуй: задергивает темные шторы на окнах, зажигает свечи, воскуривает благовония, надевает черный атласный халат...

СТОП-КАДР

БОГ: Чума! Не ожидал! Так вот кто навел «социального работника» на квартиру Зинаиды Степановны. Собственный зять! Ловко они обтяпали это дело. Инвестиционный консультант – парень не промах. Натуральный прохвост. Кажется, миллионером он станет гораздо раньше, чем через двадцать семь лет. Еще парочка таких комбинаций – и в дамках. Да уж... Эти людишки начинают меня все больше забавлять. Такие простые на первый взгляд...

Звонок в дверь.

ИРМА медленно говорит бархатным низким голосом (на полтона ниже чем в разговоре с Антоном), голосом, вводящим в трансное состояние: Здравствуйте, Наталья. Проходите. Я вас ждала. Присаживайтесь. Не смущайтесь. Вижу, вы в беде.

НАТКА: Муж ушел... Хорошо бы это его... того... обратно...

ИРМА: Можно. Можно. Деньги на стол кладите, я платком магическим накрою.

НАТКА: Да, вот, пожалуйста.

ИРМА: Когда он ушел от вас?

НАТКА: Две недели назад. Сказал, что у него случилась любовь. Сложил вещи в чемодан и адю. К другой женщине.

ИРМА: Так бывает. Вы видели соперницу?

НАТКА: Нет. Я лежала пластом на диване и редела. Все думала о том, как такое могло случиться с нами и как теперь жить. Жить как? Забрала мать из дома престарелых. И редела все. Маме сказала, что Тоша в командировку уехал, но она – умная женщина – все поняла и принесла мне эту газету с вашим объявлением. Вернуть его надо. Сможете?

ИРМА: Конечно. Я разорву отношения вашего мужа с любовницей! Сильнейший, старинный приворот вернет мужа, а мощный отворот заставит соперницу исчезнуть навсегда. Присушу накрепко. Муж больше никогда никуда не уйдет. Уж я-то знаю, как заставить любовницу отступить. Расскажите мне о своих чувствах к мужу.

НАТКА: Дома просто невыносимо. Куда ни посмотрю, все с ним связано. Вот и серьги он мне такие же, как у вас, дарил... с белым золотом.

ИРМА: Раньше такие часто выпускали.

НАТКА: Мы все вместе выбирали, покупали, придумывали, как лучше поставить.

Обустроивали наш дом. Понимаете?

ИРМА: Я прекрасно вас понимаю. Вы долго прожили в браке?

НАТКА: Десять лет. Но это не главное. Мы были знакомы двадцать пять лет, прежде чем поженились. Мы даже учились в одной школе. И все это время он меня любил. Преданно, ничего не требуя взамен. Писал мне трогательные записочки на уроках, провожал, носил портфель. Мама меня с ним везде отпускала. Она ему доверяла. А я, дура набитая, совсем другого парня любила. Головореза, двоечника. Я с ним девственность потеряла на Тошином пиджаке. Тоша за мной пришел перед выпускным. Галантный такой, в костюмчике, с тюльпанами. Срезал их на клумбе городской целое ведро. Мама вручила меня Тоше, сказала: «Береги ее, головой отвечаешь». Он откланялся и довел меня до угла. А за углом Мишка в майке драной. Большой, красивый, дурак-дураком. Тоша посмотрел на меня преданными глазищами, накинул мне на плечи свой пиджак, чтобы не холодно

было, вздохнул и сказал: «Я тебя буду ждать, Ната, столько, сколько нужно будет». Я его в щеку чмокнула, и сбежали мы с Мишкой с выпускного в ботанический сад. Расстелили Тошин пиджак на траве. И все. А сторож на стоны мои прибежал, и собак на нас спустил. Как мы драпали! Ужас. Ну, и пиджак забыли, конечно. Не до пиджака было. Ой, и влетело потом Тоше за этот пиджак импортный, который его отец у своего начальника сыну на выпускной одолжил. А замуж я потом за Леху вышла. Тоша у нас на свадьбе свидетелем был. Отдавал меня Лехе и плакал. А сам Тоша не женился. Все меня ждал. Через пару лет Леха меня бросил. Тут-то я и поняла, что так, как Тоша, никто меня любить не будет. И поженились мы с ним, наконец. Десять безоблачных лет. Разве что с мамой моей Тоша последнее время не очень ладил. Так маму я того... в дом престарелых. И вроде жизнь нормальная потекла. Я думала, что он самый верный человек на земле, и доверяла безгранично. История о двух половинках это ведь именно про нас. Мне всегда казалось, что мы родились друг для друга, состаримся вместе и умрем в один день. Вы знаете, как вернуть мужа?

ИРМА: Поставлю неснимаемую защиту, и соперница больше не сможет навредить. Сегодня же вы почувствуете перемены. Сила моя огромна. Опыт трех поколений гадалок в моих руках. Гарантия 100%. А фотографию мужа вы принесли с собой?

НАТКА протягивает фотоальбом: Конечно, конечно. Целый альбом принесла. Не знала, какая вам больше подойдет. Вот он. Смотрите. И вот. И вот. А это мы вместе. В прошлом году. На море.

ИРМА: Как говорите его зовут?

НАТКА: Антон. Тоша. Тошенька.

ИРМА: Мда. Вижу. Симпатичный мужчина. Я должна раскинуть карты.

ИРМА достает колоду, брызгает на нее какой-то водой, быстро-быстро шепчет:

Вот хрень то какая сомной приключилась прости господикамневсеэтонадоелоосточертелоост ообенелоночтоподелатьеслиработатакаячертовауменяебтвоуматьибляхамуханахервыхерз адолбалокчертовойматериодноитожеоднодапотому...

В руках Ирмы с немыслимой скоростью мелькают девятки, шестерки, дамы, тузы, валеты и короли. Вокруг альбома с фотографиями выкладывается замысловатый пасьянс.

НАТКА: Ну?

ИРМА: Нет.

НАТКА: Что нет?

ИРМА: Не стоит его возвращать.

НАТКА: Это еще почему?

ИРМА: Просто он не ваша судьба. Ушел — и пусть себе идет. Так тому и быть.

НАТКА: Как это не моя судьба? Очень даже моя. Еще как моя! Судьба-судьбинушка...

ИРМА: Нет, не ваша.

НАТКА: А чья же?

ИРМА: Чья?.. Не скажу... Но не ваша - точно.

НАТКА: Мне все равно, чья он судьба. Я просто хочу, чтобы он вернулся. Вы можете что-нибудь сделать?

ИРМА: Сделать-то можно, только надо ли оно вам?

НАТКА: Надо!

ИРМА: Подумайте, хорошенько. Мужа-то вашего мы, конечно, вернем, и не такие проблемы решали. Но вам придется дорого заплатить.

НАТКА покорно лезет в кошелек за деньгами: Я готова.

ИРМА: Я о другом. У вас впереди яркая, красивая жизнь. О-очень хорошая. О-очень богатая. *(заговорческим шепотом)* На золоте есть будешь. Серебряными приборами...

Если, конечно, доверишься знакам Вселенной. Но если сегодня мы вернем вам мужа, то испортим карму вашего будущего. Вы многим рискуете, поверьте.

НАТКА: Откуда вы знаете?

ИРМА: Такая у меня работа. Вы привяжете к себе этого мужчину и будете вынуждены провести с ним всю жизнь. До самой гробовой доски. Тоскливое зрелище, хочу вам сказать. Вы устанете от его «доверительного управления» (*Натка вздрагивает*), «размещения ваших активов» (*Натка вздрагивает*), «постоянной высокой доходности» (*Натка вздрагивает и оборачивается*), он вам надоест хуже пареной репы, но вы ни за что не сможете от него отделаться. Понимаете, о чем я говорю?

НАТКА тихо: Нет.

ИРМА: Я снимаю венец безбрачия и делаю приворот на мертвой петле. Если уж присушу, то навсегда! Понимаете?

НАТКА кивает: Ага.

ИРМА: Не нужно цепляться за прошлое любой ценой. Разлуки в жизни людей неизбежны. Но они дают нам шанс новой встречи. И ее не стоит бояться. Вот, например, вы приходите в магазин. На прилавке яблоки и неизвестный вам фрукт манго. Цены одинаковы. Продавец вам рассказывает о том, что манго имеет волшебный вкус и в три раза больше витаминов, чем яблоки, а также он богат магнием, кальцием, железом и прочими микроэлементами. Вы выберете что?

НАТКА: Ну...

ИРМА: Понятное дело — яблоки!

НАТКА: Почему?

ИРМА: Потому что яблоки вам ближе и понятнее. Вы с детства их знаете: каковы они на вкус, на цвет, на запах, какие внутри косточки и червячки. Вы не ждете от них неожиданностей и подвохов. Так?

НАТКА: Наверное, так... А может, и нет...

ИРМА: Вот и сейчас вы предпочитаете знакомый, давно отработанный вариант и даже представить себе не можете, какие перспективы вас ожидают. Люди часто боятся перемен. В этом их главная ошибка. Откажитесь от яблока в пользу манго!

НАТКА: Я запуталась. Яблоки, манго... При чем здесь это?

ИРМА: Поверьте, что все не так и плохо. Может быть, вам просто не стоит торопиться?

НАТКА: Скажите, а вы что же, можете приворожить любого мужчину?

ИРМА: Я не шарлатанка и не стала бы делать таких самонадеянных заявлений. Вдруг вам захочется, чтобы вас полюбил Киану Ривз? Ривза, к сожалению, я вам не могу обещать...

НАТКА: Жаль, Ривз очень красив. А еще в студенчестве меня любил Сашка Мельников.

Он сейчас владелец сети ресторанов в Москве. А тогда я, дура набитая, его не ценила...

ИРМА: Наталья, по-моему, вы сами не знаете, чего хотите!

НАТКА: Знаю, знаю. Я интересуюсь чисто теоретически. Могу ли я, к примеру, выбрать, кого ко мне присушить?

ИРМА: Конечно, можете. Только надо учитывать, что существует первичный приворот и вторичный. Вторичный — это когда возвращают ушедшую любовь. А первичный — это когда между людьми ничего никогда не было, а надо, чтобы появилось. В таком сложном случае просто необходимо, чтобы люди регулярно сталкивались. Ну, скажем, работали вместе или собак выгуливали в одно время в одном парке. Иначе никак. Такая вот ситуация.

НАТКА: Получается, я могу выбрать?

ИРМА: Я вижу, вы в смятении, ступайте домой, Наталья. Подумайте о жизни, все взвесьте. Выбрать — это так увлекательно. Можете на первых порах и без меня попробовать. А если будет нужда — приходите снова... И заберите свой фотоальбом.

В замке провернулся ключ. Антон вернулся с рынка с продуктами и цветами.

АНТОН, еще не войдя в комнату, напевает: Размещение активов я уже готовлю, цыпа...

Инвестиции, родная, буду я в тебя вливать...

НАТКА: Господи, что же это? Я же решила его не заказывать...

АНТОН входит: Наташа? Ирма?

СТОП-КАДР

БОГ: Ба-а, картина Репина «Не ждали». Так вот, волею судеб, не побоюсь этого признания, в Моем лице, жизнь опять-таки все расставила по своим местам, вернее бросила всех куда попало и когда мне приспичило. Пусть теперь разбираются, голубки. Или все они думали, что эта история сойдет им с рук? Я еще предвижу появление милиции в конце...

НАТКА: А-а-а... Ты? Вы? А-а-а-а. Вот оно значит как...

ИРМА: Спокойно, ребята. Я сейчас кофе сварю. А вам, кажется, надо поговорить...

Ирма растворяется за портьерой.

Антон и Натка молчат. Антон поворачивается к Натке спиной, закуривает, смотрит в окно.

Неожиданно в квартиру Ирмы входит Зинаида Степановна в очках, с ружьем.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:

Не за морями и лесами,
Живут волшебники сейчас,
Они приходят в школу с нами,
Вернее, чуть пораньше нас.
Метёт ли снег, шумит ли осень,
Срывая жёлтую листву,
Они всегда с собой приносят,
И щедро дарят нам весну.

СТОП-КАДР

БОГ: Волшебница, что она о себе возомнила! Да это Я оставил адрес Ирмы, записанный Наткой на бумажке, на холодильнике. Оставил на холодильнике и туда же положил очки Зинаиды Степановны. Так она этот адрес и нашла. И пошла спасать свою дочь с ружьем. Ой, что сейчас будет!

НАТКА: Мама, ты почему с ружьем?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Спасать тебя пришла.

Антон оборачивается.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Ах, ты, боже мой! Зятка вернули. Уже! Вот люди работают! Вот что значит коммерческое предприятие!

НАТКА: Матушка...

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА стреляет Антону по ногам: Чтоб не ушел, стервец, больше. Надо закреплять результат.

Антон кричит и падает.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:

Мы бандито знаменито,
Мы стрелято пистолето.
oh, yes.
Мы фиато,
Разъезжато целый день кабриолето.
oh, yes.

НАТКА: Мама!

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА стреляет Натке по ногам, поет:

Постоянно пьем чинзано,

Постоянно сыто-пьяно.

Держим банкю

Миллионы и плеванты на законно

НАТКА: Антоша!

АНТОН: Наташа!

Натка и Антон ползут друг к другу.

На звук криков и выстрелов в комнату входит Ирма.

Ирма и Зинаида Степановна обнимаются.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Здравствуй, дорогая...

ИРМА: А за ковер придется заплатить дополнительно. Они же его кровью испачкают.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Да это паралитические пули, без повреждения кожных покровов, действуют всего-то два часа. Так что давай быстрее.

Натка и Антон обнимаются в углу, ощупывают парализованные ноги друга друга.

ИРМА, снимает с ушей сережки: Вы присаживайтесь. Я сейчас все по описи принесу.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:

Твердишь ты, что расстаться нам пора,

Что ты в своих надеждах обманулась,

Что вся моя любовь к тебе - игра...

Не слишком ли,

Не слишком ли игра подзатянулась?

ИРМА приносит вещи, деньги, документы: Это все. Проверяйте. И вот акт выполненных работ. Подпишите, рассчитайтесь.

НАТКА шепчет Антону: Смотри, смотри, она вернула завещание.

АНТОН: Стерва... Обе стервы...

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Читай все по пунктам.

ИРМА: Познакомиться с гражданином Антоном Зуевым, соблазнить.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА подписывает: Подписываюсь.

АНТОН: Блядь чистой воды!

ИРМА: Разработать совместно с гражданином Зуевым план ограбления квартиры по адресу улица Голосова, 17 – 5. Осуществить задуманное.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА подписывает: Подписываюсь.

НАТКА: Мама, как ты могла!

ИРМА: Похитить имущество гражданки Зинаиды Истоминой и завещание на квартиру по адресу улица Голосова, 17 – 5.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА подписывает: Похитить... Сама я все тебе отдала...

Подписываюсь.

АНТОН: Это все Ирма придумала!

ИРМА: Увести гражданина Антона Зуева от жены, тем самым окончательно разрушив семью Антона и Натальи Зуевых.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА подписывает: Подписываюсь.

НАТКА: Мама!

ИРМА: Сымитировать магический сеанс обратного приворота мужа на мертвой петле.

Используя современные достижения психологической науки и практик нейро-лингвистического программирования, убедить гражданку Наталью Зуеву в бесперспективности продолжения отношений с гражданином Антоном Зуевым.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА подписывает: Подписываюсь.

ИРМА: Вот, кажется, и все.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА отсчитывает деньги: Спасибо, сработано чисто. Нареканий нет.

Входит нотариус.

НОТАРИУС: Счастлив вас видеть (*целует руку Зинаиде Степановне*), здравствуйте (*кланяется Ирме, Натке, Антону*). Все документы у меня с собой. Осталось только подписать.

Ирма удивленно смотрит на Зинаиду Степановну.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Ну, уж если отбросить все предрассудки и дурацкие убеждения про кровные узы, то у меня для вас есть еще один, правда, немного отложенный во времени, подарок.

НАТКА: Для кого «для вас»?

АНТОН: Я уже боюсь ее подарков.

НОТАРИУС: Может, приступим?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Конечно. Итак, я Зинаида Степановна Истомина, находясь в здравом уме и трезвой памяти...

АНТОН: Это она-то в здравом уме?

НАТКА: Молчи, Тоша...

НОТАРИУС внимательно следит глазами по строчкам завещания: Прошу не перебивать волеизъявителя.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: ...находясь в здравом уме и трезвой памяти... аннулирую свое предыдущее завещание, в котором все движимое и недвижимое имущество после моей смерти распределялось в равных долях между моими дочерью и зятем. И завещаю все Ирме Штурм.

ИРМА смущенно: Ну, что вы...

НАТКА: Мама, как ты можешь?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Хочу быть такой же жестокой, как Бог... Ну, или около того...

НАТКА: Мама, что ты делаешь?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА - Натке: Боливар не выдержит двоих.

АНТОН: А меня уже ничего не удивляет. Старуха явно не в своем уме. Ей самое место в психушке!

НОТАРИУС: Прошу не перебивать волеизъявителя.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Вот собственно и все. Где подписывать?

НОТАРИУС: Здесь и здесь. Копия, как обычно, остается у меня.

Зинаида Степановна подписывает.

НОТАРИУС раскланивается: Вот и славно. Всем спасибо. Хорошего дня (*Ирме*). И вам доброго здоровья (*Натке и Антону*). Всегда к вашим услугам (*Зинаиде Степановне*).

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: До свидания.

Нотариус уходит.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА передает Ирме завещание: А эта бумажная формальность пусть останется у тебя.

ИРМА: Спасибо. Даже не знаю, как и... Это все так неожиданно...

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Думаю, за это стоит выпить. На углу есть просто замечательный уютный ресторанчик.

ИРМА кивает на Антона и Натку: А как же эти?

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА: Ну, им здесь еще лежать без движения часа полтора. (*Антону*) И запомни, спусковой крючок у профессионалов называется «триггер»!

ИРМА: Тогда я с удовольствием.

Зинаида Степановна с Ирмой уходят. Натка и Антон остаются лежать, обнимая друг друга.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА поет:

Человеку много ль надо-

Надо, чтобы друг был рядом,

Песня чтоб была на случай,
Случай любой.

Чтобы дома не забыли,
Чтобы следом письма плыли,
Чтобы в этих письмах были,
Были строчки про любовь.

Лай-ла-ла-ла-ла,
Лай-ла-ла-ла-ла,
Лай-ла-ла-ла-ла-ла.
Ла-ла-ла,
Лай-ла-ла-ла-ла,
Лай-ла-ла-ла-ла,
Были строчки про любовь.

СТОПР-КАДР

БОГ: Черт! Кажется, Меня накололи. Меня накололи эти людишки. Как понапутали они тут со своими интригами. Просто жуть. Но чертовски интересно. На этом уровне Я хочу подзадержаться и сыграть еще одну партию. Да, похоже, это не Боги создают людей, это люди создают Богов, чтобы религия помогала им управлять другими людьми. Но когда Боги начинают мешать людям в достижениях их целей, Богов убивают, их заменяют новыми. А люди... Нет, люди не умирают. Они просто переходят из одного состояния в другое.

Появляется Зинаида Степановна.

БОГ кланяется: Мое почтение, леди! Вы – Совершенство.

ЗИНАИДА СТЕПАНОВНА, треплет Бога по щеке, поет:

Всё пройдёт, и опять
Я тебе улыбнусь,
Ни к чему ревновать
Эту давнюю грусть.
Ведь на счастье тогда
Мне сказали в ответ -
И не то, чтобы да,
И не то, чтобы нет.
И не то, чтобы да,
И не то, чтобы нет.
И не то, чтобы да,
И не то, чтобы нет.

Занавес

2.11.2005 – 30.12.2007г.

г.Мн

Диана Владимировна Балыко

Республика Беларусь
220012 г. Минск
ул. Сурганова, 30-17
m. +375172857463, +375294025691
e-mail: gentledi@mail.ru, gentledi@tut.by
Diana@dia-blo.net
www.dia-blo.net